

ЛОЛИТА МАКЕЕВА

Язык и реальность¹

В XX веке на смену построения метафизических систем, претендующих на раскрытие глубинной структуры бытия или реальности, пришло осознание того, что философия с помощью доступных ей средств концептуального анализа может давать нам не непосредственное описание реальности как таковой, а описание того, как мы мыслим о реальности или как воспринимаем ее. Этот сдвиг в понимании природы и задач философского исследования в значительной мере затронул и аналитическую философию. Однако в ней в силу происшедшего «лингвистического поворота» был совершен еще один шаг в намечившемся направлении: был сделан вывод о том, что поскольку мышление можно анализировать только через «призму» языка, который служит средством его выражения, основу философского познания, и прежде всего познания, направленного на выявление «строения» и «содержимого» реальности, составляет философия языка, описывающая способы обозначения, свойственные различным видам лингвистических выражений. Но при таком лингвистическом подходе неизбежно встает вопрос о том, может ли анализ языка, используемого нами, когда мы говорим о реальности, снабдить нас знанием о самой реальности, или же этот анализ позволяет лишь уяснить особенности этого языка и ничего не говорит о том, какова реальность «сама по себе», независимо от используемого для ее описания языка. Иначе говоря, можно ли, изучая феномен языка, его структуру и механизмы референции, что-то узнать и о реальности как таковой? Для ответа на этот вопрос нужно рассмотреть, как соотносятся в целом язык и реальность, какая между ними существует связь, если вообще существует. В рамках аналитической философии был предложен целый ряд трактовок соотношения языка и реальности, некоторые из которых я и хотела бы рассмотреть в своей статье.

¹ Работа выполнена при поддержке индивидуального исследовательского гранта 2006 г. Научного Фонда ГУ-ВШЭ (номер гранта 06–01–0076).

Возможно, кому-то вопрос о том, как ставилась и решалась проблема соотношения реальности и языка в рамках аналитической философии, покажется, по меньшей мере, надуманным, ибо до сих пор все еще бытует мнение, будто аналитическая философия и в своих лозунгах, и на деле знаменовала «радикальный разрыв с одурманивающей метафизической традицией»², а, стало быть, и с решением каких-либо онтологических проблем. Однако это мнение правомерно лишь в отношении одного направления в аналитической традиции, пусть и довольно влиятельного, — логического позитивизма. Во-первых, ничего подобного нельзя утверждать о тех философах, которые стояли у истоков аналитической философии или составляли ее первый этап, — я имею в виду прежде всего Г.Фреге, Дж.Мура, Б.Рассела и Л.Витгенштейна. Во-вторых, постпозитивистское развитие аналитической философии продемонстрировало возврат к метафизической проблематике, выразившейся, в частности, в необычайно возросшем интересе к проблемам реализма. Как мы увидим, аналитические философы не только проявили глубокий интерес к проблеме соотношения реальности и языка, но и предложили разнообразные решения этой проблемы.

Вопрос об отношении языка и реальности неразрывно связан с трактовкой природы и задач философии. Если философии отказывается в способности добывать содержательное знание присущими ей методами, то и вопрос о том, можно ли из изучения языка (его структуры, механизмов референции и смыслообразования, типологии входящих в него знаков и т.п.) дать какое-либо знание об окружающей нас реальности, казалось бы, теряет всякий смысл. С другой стороны, стремление дать ответ на этот вопрос, как правило, свидетельствует о придании философии познавательного или «дескриптивного» статуса. Вместе с тем, как это часто случается в философии, уход от решения какой-либо проблемы на деле неявно предполагает определенное ее решение. В свое время английский неогегельянец Фрэнсис Брэдли остроумно заметил, что человек, утверждающий невозможность метафизики, является собратом-метафизиком, просто придерживающимся иной теории. Поэтому, на наш взгляд, те аналитические философы, которые отрицают метафизику и объявляют вопрос об отношении языка и реальности «бессмысленной псевдопроблемой», по сути, дают неявное решение этого вопроса и тем самым встают на определенную метафизическую позицию.

Учитывая сказанное, я попытаюсь изложить некоторые трактовки отношения между языком и реальностью, предложенные в аналитической философии. Я не буду касаться деталей этих трактовок, а выделю лишь их ключевые, на мой взгляд, аспекты. Более того, я никоим образом не претендую на то, чтобы предложить исчерпывающий перечень

² *Страуд Б.* Аналитическая философия и метафизика // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). М.: ДИК и Прогресс-традиция, 1998. С. 510.

этих трактовок или выстроить их типологию. Я ставлю перед собой куда более скромную и простую задачу — сопоставить наиболее влиятельные и известные в аналитической философии концепции соотношения языка и реальности. Их влияние не в последнюю очередь объясняется масштабностью и ясностью лежащих в их основании идей, представленных к тому же в чистом и «незамутненном» виде. Вместе с тем излагаемые ниже концепции позволяют очертить основной круг проблем, затрагиваемых современными аналитическими философами при рассмотрении соотношения языка и реальности, и наметить принципиальные подходы к их решению. Безусловно, взгляды современных аналитических философов на язык и реальность нельзя представлять как воспроизведение одного из перечисленных ниже «образцов» или как эклектичное соединение нескольких таких образцов, но влияние этих подходов на последующие исследования по интересующей нас теме очень велико.

Итак, в аналитической философии можно выделить следующие основные подходы к соотношению языка и реальности.

(1) *Язык отображает структуру реальности*, поэтому изучение логической и концептуальной структуры языка и механизмов референции разных типов лингвистических выражений позволяет выявить основные структурные элементы реальности. Анализ языка, таким образом, имеет метафизическую направленность. Наиболее ярким выразителем этой точки зрения среди аналитических философов являлся Б. Рассел (правда, только в определенные периоды его творчества, ибо вера Рассела в анализ языка как ключ к метафизике порой бывала поколеблена).

(2) *Язык «являет», но не выражает структуру реальности*. Эта точка зрения выражена Витгенштейном в «Логико-философском трактате». Согласно Витгенштейну язык «показывает» реальность, так как у них общая логическая форма, но структура реальности невыразима в языке. Поскольку об отношении языка и реальности ничего «не может быть сказано», а только «показано», задачи философии сводятся к тому, чтобы путем «прояснения» значений устранить все искажения, которые могут закрасться в являемую языком картину реальности из-за неправильного употребления языковых выражений.

(3) *Язык нейтрален в отношении реальности*. Выразителями этой позиции стали логические эмпиристы и в наиболее законченном виде она сформулирована в теории «языковых каркасов» Карнапа. Существует определенная свобода в выборе того или иного языка. Соображения, которыми мы руководствуемся при выборе языка, связаны не с его лучшей согласованностью с внешней внеязыковой реальностью (ибо ее установить невозможно), а с его внутренними свойствами (когерентностью, непротиворечивостью и т.д.) и с определенными прагматическими критериями (удобством, экономичностью и т.д.). Каждый язык связан с определенной онтологией (задаваемой формальной семантикой языка), но эта онтология создается безотносительно к реальности

как таковой, и в этом смысле язык «нейтрален» по отношению к внешнему миру.

(4) *Язык создает реальность* в том смысле, что он упорядочивает, сегментирует ее, членит на объекты. Это означает, что разные языки создают разные «реальности» или миры. Более того, ни о какой другой «реальности» помимо той, в создании которой участвует язык, не имеет смысла говорить, так как она не познаваема. Хотя в основе своей эта точка зрения восходит к идеям Канта, однако ее непосредственное влияние на аналитических философов проявилось в виде гипотезы лингвистической относительности Сепира и Уорфа.

(5) *Язык погружен в практическое взаимодействие человека с реальностью.* Эта трактовка представлена в «Философских исследованиях» Витгенштейна. В его понимании язык является не пассивным регистратором структуры реальности, а феноменом, погруженным в сложное сплетение различных видов человеческой деятельности. Концептуальная схема языка непрерывно меняется с изменением практик, в которых участвует человек, и в ее основе лежат определенные лингвистические конвенции, определяющие что считать «реальностью» в каждом конкретном контексте употребления лингвистических выражений. Метафизика порождается околдованностью языком, ввергающей нас в путаницу по поводу грамматики языка.

Рассмотрим более подробно перечисленные концепции.

§ 1. Язык как отражение структуры реальности

Наиболее четко и ясно эта позиция представлена в концепции «логического атомизма» Рассела³. Хотя Рассел подверг суровой критике метафизические системы прошлого, он не ставил задачи окончательно и бесповоротно покончить с метафизикой. Он отвергал преж-

³ Следует отметить, что в течение долгой творческой жизни Рассела его вера в анализ языка как ключ к метафизике колебалась. Если в 1903 г. в работе «Принципы математики» он пишет, что можно сделать важные метафизические выводы о мире из анализа свойств языка и что «изучение грамматики... способно пролить гораздо больше света на философские вопросы, нежели это обычно предполагается философами» (*Russell B. Principles of Mathematics. L.: Norton & Co., 1938. P. 42*), то в 1923 г. он заявляет, что изучение принципов построения символических систем не дает никаких позитивных результатов в метафизике. Затем его взгляды на этот счет опять поменялись, и в работе «Исследования значения и истины» (1940) он вновь настроен оптимистически: «посредством изучения синтаксиса мы можем получить значительное знание относительно структуры мира», ибо «между структурой предложений и структурой событий, о которых говорят предложения, существует вполне познаваемое отношение... (П)ри надлежащей осмотрительности свойства языка помогут нам понять структуру мира» (*Рассел Б. Язык и метафизика // Рассел Б. Исследование значения и истины. М.: ДИК, 1999. С. 394, 387*). Не менее радикально менялись и представления Рассела об онтологической картине реальности, выявляемой с помощью логического анализа языка. В «Принципах мате-

ние метафизические подходы к объяснению мира, но не саму задачу такого объяснения. Главный порок прежних метафизических подходов Рассел видел в том, что они опираются на ложное представление о «грамматике» языка, которое возникает из-за применения логики, предполагающей субъектно-предикатную форму наших суждений. Для метафизических исследований, считал Рассел, нужна новая логика, а именно та, которую он обнаружил в трудах Фреге и Пеано и впечатляющие возможности которой сам продемонстрировал в соавторстве с Уайтхедом в «Principia Mathematica». Новая логика, опирающаяся на очищенный от искажений и ошибок корректный язык, позволит переформулировать используемые нами предложения таким образом, что станет явным их подлинное значение. Из языка будут элиминированы те выражения, которые ничего не обозначают, и тогда по логической структуре предложения мы сможем судить об онтологической структуре описываемого этим предложением факта.

Итак, если предложение осмысленно и истинно, то должно существовать нечто такое, о чем оно говорит и к чему относятся входящие в него термины, Рассел предлагает следующую «лингвистическую программу» метафизического исследования. Все факты или положения дел, из которых состоит мир, имеют определенную онтологическую структуру; для того, чтобы предложение утверждало какой-то конкретный факт, это предложение должно иметь логическую структуру, совпадающую с онтологической структурой факта. Это означает, что анализ языка представляет собой способ выявления правильной логической формы истинных предложений о реальности и одновременно способ установления онтологической структуры фактов, благодаря которым эти предложения являются истинными. Простая и единообразная связь между элементами языка и элементами реальности лежит в основе отношения «конгруэнтности» или «соответствия» между языком и реальностью и обеспечивает «беспроблемное» истолкование истины.

Как известно, осуществив анализ языка средствами новой логики, Рассел открыл в качестве предельных элементов реальности или «ло-

матики» он исходит из того, что каждое слово что-то обозначает, если не вещь, то понятие, поэтому его онтология включает сущности и объекты, обладающие как реальным (existence), так и идеальным (subsistence) существованием. К ряду последних наряду с числами относятся, по мнению Рассела, также сущности вроде гомеровских богов и химер. Затем в работе «Об обозначении» (1905) Рассел изобрел определенную технику редукционного анализа, которую назвал теорией дескрипций и которая позволила ему избавиться от этих нежелательных сущностей, переведя некоторые виды лингвистических выражений в категорию «необозначающих». В дальнейшем идея редукционного анализа стимулировала его поиски еще более экономной метафизики: «имея дело с любым предметным содержанием, следует выяснять, какие сущности оно содержит несомненно, и все выражать в терминах этих сущностей» (*Russell B. Our Knowledge of the External World. L., 1926. P. 112*).

гических атомов» непосредственно воспринимаемые сущности — чувственные данные, из которых затем методом логического конструирования построил все другие — производные — сущности (вещи, факты и т.п.).

С точки зрения Рассела, предлагаемый им логический анализ языка открывал блестящие перспективы перед метафизикой, однако, как мы увидим, многие аналитические философы не были столь же оптимистичны. Объясняется это тем, что «лингвистическая программа» метафизических исследований Рассела ставила трудные вопросы, главный из которых, на наш взгляд, касается оснований, оправдывающих принятие допущения о совпадении логической структуры языка и онтологической структуры реальности. Почему мы должны признать структуру истинного предложения отображением структуры описываемого им факта? Если это обеспечивается истинностью предложения, то как можно обосновать такое понимание истины?

В работах Рассела нельзя найти однозначного ответа на этот вопрос. Иногда он высказывался в таком духе, что вообще не видит во всем этом какой-то особой проблемы. Так, в «Критическом изложении философии Лейбница» (1900) он пишет: «То, что каждая философия должна начинать с анализа предложений, есть истина, причем настолько очевидная, что, по-видимому, она не нуждается ни в каком доказательстве»⁴. В других местах Рассел отмечает, что получаемое в ходе логического анализа языка философское знание, по сути, является научным в том же смысле, в каком научным является математическое знание. Так же как математический анализ, логический анализ языка требует изобретательности и логической изощренности, а его результаты могут быть логически обоснованы и проверены и на этом основании приняты. Такое решение, предполагающее уподобление философии науке, отнюдь не каждый философ сочтет удовлетворительным. Совершенно иной подход к этой проблеме был предложен Витгенштейном в «Логико-философском трактате».

§ 2. Невыразимость структуры реальности в языке

На первый взгляд, в позициях Рассела и Витгенштейна можно обнаружить много общего, поскольку и тот и другой разрабатывают концепцию «логического атомизма». Так, Витгенштейн считает предложение «образом» или «картиной» реальности, а для того, чтобы представлять реальность, предложение должно иметь с ней нечто общее, а именно — логическую форму. Предполагается при этом, что простые элементы языка однозначно соответствуют простым элементам мира, а способы сочетания простых элементов в языке и в мире совпадают. Новацией, имеющей важное значение, является то, что предло-

⁴ *Russell B. A Critical Exposition of the Philosophy of Leibniz. L., 1937. P. 8.*

жения выступают образами не только действительных, но и возможных фактов. Вместе с тем Витгенштейн уточняет, что мир и язык стоят друг к другу в таком же отношении отображения, какое существует, например, между граммпластинкой, музыкальной темой, нотной записью и звуковыми волнами. Таким образом, логическая форма является для Витгенштейна так же, как и для Рассела, не только синтаксической формой предложений, но и онтологической формой фактов или «формой действительности». Кроме того, подобно Расселу, Витгенштейн считал, что поверхностная грамматическая форма предложения часто не выражает его реальную логическую форму, ибо «язык переодевает мысли. Причем настолько, что внешняя форма одежды не позволяет судить о форме облаченной в нее мысли» (4.002)⁵. Поэтому необходим логический анализ, который Витгенштейн осуществляет с помощью аппарата символической логики Фреге и Рассела, дополняя его комплексом оригинальных логико-семантических понятий («логическое пространство», «логический образ», «логическая форма отображения» и т.п.). В результате реальность, которую выявляет проведенный в «Трактате» анализ, оказывается очень необычной: в ней отсутствуют такие сущности, как свойства и отношения; предметы не существуют вне логического пространства возможных положений дел, а потому их нельзя вычленивать из структуры фактов⁶; этот мир лишен причинно-следственных связей; в его структуру встроена только логическая необходимость и т.д.

Это последнее обстоятельство указывает на очень важный аспект в понимании Витгенштейном соотношения между языком и реальностью. Чтобы язык мог быть «образом» реальности, нужна «среда», обеспечивающая отношение отображения. Этой «средой» в «Трактате» выступает логическое пространство возможностей, в которое погружен и мир, и язык. В результате логика, в понимании Витгенштейна, оказывается не просто учением о правильных рассуждениях, а «несущим каркасом мира и языка»⁷: «Логика заполняет мир; границы мира суть и ее границы» (5.61); логика априорна и «трансцендентальна», она составляет условие возможности любого опыта. Отсюда Витгенштейн делает вывод, что невозможно в явном виде описать логическую форму, которую сообщают язык и реальность: логическая форма может быть только «показана» или «предъявлена», она не может быть изображена или высказана. «Предложение может изображать всю действительность, но не в состоянии изображать то общее, что у него должно быть

⁵ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 18. В дальнейшем все ссылки будут на это издание, но вместо страниц я буду указывать в скобках после цитаты соответствующий номер высказывания в «Трактате».

⁶ Как отмечает Витгенштейн, «мир — целокупность фактов, а не предметов» (1.1).

⁷ *Сокулер З.А.* Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX века. Долгопрудный, 1994. С. 51.

с действительностью, чтобы оно могло изображать ее, — логическую форму. Чтобы иметь возможность изображать логическую форму, мы должны были бы обладать способностью вместе с предложением выходить за пределы логики, то есть за пределы мира» (4.12). Это представление Витгенштейна о том, что невозможно подняться над миром и языком и «извне» описать их общую форму⁸, опирается на предположение о существовании одного-единственного языка, который служит «картиной» одного-единственного мира и в этом смысле является «универсальным». Семантические отношения между элементами такого языка и элементами мира являются априорными, а потому жесткими и строго определенными. Складывается впечатление, что этот язык «безличен»: его никто не использует и он сам устанавливает отношения с «являемой» им реальностью «благодаря тому, что снабжен какими-то “щупальцами”, которыми без содействия языкового сообщества “дотягивается” до реальности»⁹.

Хотя Рассел во многом разделял идею «универсального» языка, выводы, которые он сделал из нее, принципиально отличаются от выводов Витгенштейна. Для него анализ языка служит ключом к метафизическому описанию запечатленной в языке структуры реальности, тогда как Витгенштейн считает эту структуру «невыразимой» и, стало быть, непознаваемой. Это означает, что в задачи философии не входит описание мира — это функция естественных наук. «Правильный метод философии, собственно, состоял бы в следующем: ничего не говорить, кроме того, что может быть сказано, то есть кроме высказываний науки, — следовательно, чего-то такого, что не имеет ничего общего с философией. — А всякий раз, когда кто-то захотел бы высказать нечто метафизическое, доказывать ему, что он не наделил значением определенные знаки своих предложений» (6.53). Витгенштейн столь последователен в этом своем убеждении, что готов отвергнуть как бессмысленные те предложения «Трактата», в которых формулируется его концепция логической формы. Задача философии состоит не в том, чтобы открывать и описывать глубинное устройство мира, а в том, чтобы осуществлять «логическое прояснение мысли», устанавливая «границы мыслимого» и отсекая все бессмысленное.

Венский кружок, сформулировавший доктрину логического позитивизма, воспринял и одновременно трансформировал идеи «Логико-философского трактата» Витгенштейна, касающиеся природы философского знания и соотношения языка и реальности. Главным в подходе логических позитивистов, на мой взгляд, было подчеркивание «нейтральности» языка и реальности.

⁸ В определенном смысле А.Тарский, предложивший различие объектного языка и метаязыка, в котором описываются свойства объектного языка, попытался преодолеть эту «невыразимость» формы предложения.

⁹ Сокулер З.А. Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX века. С. 44.

§ 3. Онтологическая нейтральность языка

Как известно, логические позитивисты в разряд осмысленных включили только две категории высказываний: эмпирические и аналитические. Эмпирические высказывания описывают положения дел в мире, и критерием их осмысленности служит принцип верификации: если мы не можем опытным путем установить, истинно какое-либо утверждение или ложно, то это утверждение лишено смысла. Логические позитивисты надеялись с помощью этого принципа устранить метафизику, поскольку метафизические высказывания, претендующие на глубинное описание реальности, не допускают никакой эмпирической проверки. К аналитическим высказываниям, имеющим необходимый и априорный характер, логические позитивисты относили истины логики и математики. Эти истины лишены фактического содержания и выражают чисто формальные, структурные характеристики языка. Чтобы иметь право на существование, философия должна стать научной дисциплиной и заниматься логическим анализом языка науки, а это означает, что философские истины могут быть только аналитическими: они «выражаются в осмысленных, но бессодержательных утверждениях, ничего не устанавливающих по поводу фактов. Философия может обнаружить форму нашей мысли, но не истинность или ложность ее содержания»¹⁰.

Тот факт, что многие метафизические предложения не кажутся совершенно бессмысленными и не нарушают правил обычной грамматики, был истолкован логическими позитивистами как свидетельство несовершенства естественного языка, и вслед за Расселом и Витгенштейном они подчеркивали необходимость применения современной символической логики для выявления правильной логической формы предложений и создания на ее основе логически совершенного языка со строгими синтаксическими правилами, в котором метафизические предложения не могли бы быть даже сформулированы. Тем самым логические позитивисты отвергли идею Витгенштейна о невыразимости логической формы.

Объявив философские истины, описывающие структуру языка, аналитическими и бессодержательными, логические позитивисты, казалось бы, сняли проблему соотношения языка и реальности. По словам Карнапа, «мы не можем с помощью философского анализа решить, является ли что-либо реальным или нет; мы можем лишь установить, что значит сказать, что что-то является реальным»¹¹. Тем не менее в их общей позиции «прочитывается» определенное решение этой проблемы, которое я хотела бы рассмотреть на примере теории «языковых каркасов» Карнапа.

¹⁰ *Страуд Б.* Аналитическая философия и метафизика. С. 514–515.

¹¹ *Carnap R.* The Elimination of Metaphysics Through Logical Analysis of Language // Logical Positivism. Ed. A.J. Ayer. Glencoe (Ill.): The Free Press, 1959. P. 86.

Эта теория сформулирована Карнапом в его известной статье «Эмпиризм, семантика и онтология» (1950). Вопрос, который Карнап рассматривает в этой статье, касается существования таких абстрактных объектов, как свойства, классы, числа и т.п. Он отмечает, что эмпиристы вообще, и логические эмпиристы в частности, с подозрением относятся к такого рода объектам, однако это не означает, что они не могут использовать язык, ссылающийся на абстрактные объекты, ибо «употребление такого языка не означает признания платоновской онтологии и вполне совместимо с эмпиризмом и строго научным мышлением»¹². В целях обоснования этого положения Карнап вводит понятие языкового каркаса как некоторой системы способов речи, подчиненной определенным правилам, и отмечает принципиальную важность различения для каждого языкового каркаса двух типов вопросов, касающихся существования: внутренних и внешних. Внутренние вопросы имеют отношение к введению или использованию в языковом каркасе тех или иных форм выражений (например, выражений для чисел, свойств и т.п.); ответы на эти вопросы могут быть получены в ходе эмпирических исследований или концептуального анализа. Дать утвердительный ответ на внутренний вопрос, то есть признать какую-либо вещь (не только абстрактную, но и физическую) существующей, значит «суметь включить эту вещь в систему других вещей, признанных реальными, в соответствии с правилами каркаса»¹³. Вопрос о существовании всей системы объектов, признаваемых в данном языковом каркасе, является внешним и касается принятия или непринятия самого языкового каркаса. Внешний вопрос лишен познавательного значения и лишь внешне выглядит теоретическим, а на самом деле является практическим и связан с целесообразностью и плодотворностью использования того или иного языкового каркаса.

Из рассмотрения теории языковых каркасов можно сделать несколько важных выводов относительно интересующей нас темы. Во-первых, Карнап заменяет вопрос об отношении между языком и реальностью вопросом об отношении между языком и «проецируемой» этим языком онтологией. Каждый языковой каркас содержит правила (конвенции), определяющие, что считать реальным или существующим. Совокупность постулируемых таким образом объектов составляет онтологию данного языкового каркаса. Внеязыковая реальность выносятся, стало быть, за «скобки» философского рассмотрения и превращается в «номинальный» мир, о структуре которого мы ничего не можем знать. Во-вторых, Карнап не придерживается идеи «универсального» языка и логики, пронизывающей собой все и вся. Языковых каркасов может быть

¹² Карнап Р. Эмпиризм, семантика и онтология // Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959. С. 299.

¹³ Там же. С. 301.

много, и каждый, в соответствии с принятыми в нем логическими правилами, задает свою собственную онтологию. В-третьих, выбор языкового каркаса не детерминирован внеязыковой реальностью. Так, при рассмотрении метафизического спора между реалистами и идеалистами логические позитивисты отмечали, что этот спор, по сути, сводится к выбору между двумя языками — языком материальных вещей и языком чувственных данных. А поскольку «реальность чувства или ощущения не отличается по своему значению от реальности физического тела, так как мы не имеем разных способов верификации в данных случаях»¹⁴, то этот выбор является чисто прагматическим и касается лишь того, какие соглашения относительно языка нам следует принять. Таким образом, мы обладаем большой свободой при выборе языковых каркасов. В-четвертых, языковой каркас трактуется как что-то такое, что мы можем сознательно конструировать. Даже если объектом анализа является естественный язык, он в ходе анализа «реконструируется» и переводится в логически совершенный язык с тем, чтобы выявить его онтологические предпосылки. Это означает, что перспектива рассмотрения языка и проецируемой им онтологии задается контекстом создания специальных искусственных языков и их исследования в рамках логической семантики.

На мой взгляд, перечисленные соображения говорят в пользу истолкования теории языковых каркасов Карнапа как утверждающей «онтологическую нейтральность» языка. В этой теории эмпирический материал, для описания которого строятся языковые каркасы, допускает его включение в разные онтологии, проецируемые этими каркасами, оставаясь при этом неизменным. В каком-то смысле это является ответом на вопрос, неявно предполагаемый идеей множественности онтологий, а именно: какую роль эти онтологии играют в формировании нашего общего представления о мире? Иной, чем у логических позитивистов, ответ на этот вопрос был предложен теми, кого М.Девитт называет «лингвистическими кантианцами»¹⁵.

§ 4. Язык формирует «реальность»

Решение вопроса о соотношении языка и реальности, при котором язык выступает средством «формирования» окружающего нас мира, действительно можно считать в каком-то смысле «кантианским». К этому решению подталкивает определенная модель взаимоотношения познающего субъекта и реальности, которую в очень упрощенном виде можно описать следующим образом. Сознание не имеет непосредственного доступа к внешнему миру; взаимодействие с миром осуществляется через органы чувств. Поэтому то, что непосредствен-

¹⁴ Schlick M. Positivism and Realism // Logical Positivism. P. 96.

¹⁵ См. Devitt M., Sterelny K. Language and Reality. Camb. (Mass.), 1987.

но представлено сознанию, — это не сам внешний мир, а различные восприятия («идеи», «чувственные данные» или «явления»), возникающие в нашем сознании благодаря органам чувств. Сознание не может установить, соответствует ли этим восприятиям что-либо в реальности. Конечно, они согласуются друг с другом, но что это означает? Вполне можно предположить, что нечто служит причиной наших внутренних представлений, но нет никаких оснований заключать отсюда, что наши представления похожи на эту причину. Мир навсегда скрыт от сознания за «покровом идей». В этой модели «разрыв» между познаваемым объектом и познающим субъектом становится непреодолимым. Кант попытался преодолеть этот разрыв, проведя различие между «ноуменальным» миром вещей-в-себе и «феноменальным» миром вещей-для-нас. О вещах-в-себе мы можем только знать, что они воздействуют на наши чувства. Объектом нашего знания является феноменальный мир, который отчасти создается познающим субъектом. Предметы окружающего мира — это явления, в «формировании» которых участвуют априорные формы чувственности и категории рассудка. Отличие современных «неокантианцев», по мнению Девицка, состоит в том, что созидательную роль они приписывают не этим априорным факторам, а языку.

Непосредственным источником этого подхода в аналитической философии служит гипотеза лингвистической относительности, сформулированная американским лингвистом и этнографом Э.Сепиром и его последователем Б.Л.Уорфом. Исследуя языки и культуры различных индейских племен, они обнаружили определенную зависимость между языком, с одной стороны, и мышлением и поведением людей, принадлежащих к данному языковому сообществу — с другой¹⁶. Ход их рассуждений можно представить следующим образом: поскольку любое мышление осуществляется в языке (английском, китайском, языке хопи и т.п.) и поскольку язык, который представляет собой лингвистическую систему сознания, классифицирует, упорядочивает и организует калейдоскопический поток чувственного опыта, постольку каждый язык структурирует наши представления о реальности. Более того, разные языки по-разному структурируют наш опыт, а потому у носителей разных языков складываются разные представления о реальности. Так, согласно Э.Сепиру, «два языка никогда не бывают достаточно похожими, чтобы считаться представляющими одну и ту же социальную реальность»¹⁷. Разные представления «опрокидываются» на мир и создают разные «реальности». Таким образом, «классификация» и «упорядочение» опыта имеют своим следствием определенное мироустройство,

¹⁶ См.: Уорф Б.Л. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд. иностр. лит., 1960.

¹⁷ Sapir E. Selected Writings in Language, Culture and Personality. Ed. Mandelbaum D.C. Berkeley: Univ. Of California Press, 1949. P. 162.

поскольку разные языки по-разному «сегментируют» одну и ту же ситуацию, по-разному «расчленяют природу» и «разрезают мир». В результате оказывается, что окружающий мир во многом построен в соответствии с языковыми привычками сообществ людей, поэтому каждое сообщество живет в своем собственном мире. Более глубокий мир, по отношению к которому физическое выступает лишь «поверхностью» или «кожным покровом», является непознаваемым.

Следует отметить важное отличие гипотезы лингвистической относительности от кантовского подхода. У Канта априорные формы чувственного созерцания и категории рассудка, налагающие определенную структуру на мир, являются универсальными для всего человечества, тогда как Сепир и Уорф подчеркивают множественность упорядочивающих мир лингвистических структур. Различные языки создают разные познаваемые миры.

Философы, воспринявшие этот взгляд на язык и реальность (я имею в виду Н.Гудмена, Т.Куна, Х.Патнэма с его концепцией «внутреннего реализма» и др.), уже не воспринимают философское исследование как чисто аналитическую деятельность, порождающую «бессодержательные» истины о формальной структуре языка. В их представлении концептуальный анализ опирается на широкий массив эмпирических данных и способен давать «содержательное» знание.

Все рассмотренные нами подходы к вопросу о соотношении языка и реальности при всем их различии объединяет одна общая черта — все они признают репрезентативную функцию языка важнейшей или одной из важнейших. Под репрезентативной функцией языка понимается то, что он позволяет нам говорить о внелингвистической «реальности», описывать вещи и положения дел в мире. Мой перечень концепций был бы очень неполным, если бы я не упомянула подходы, отрицающие важность репрезентативной функции (как это имеет место у позднего Витгенштейна) или полностью отвергающие эту функцию языка (как это имеет место в антирепрезентационизме Р.Рорти).

§ 5. Погруженность языка

в практическое взаимодействие человека с реальностью

С самого начала следует отметить, что Витгенштейн предлагает свой новый подход к языку не в виде определенной теории, а как некий ракурс «видения», вырастающий из философского анализа, состоящего в тщательном разборе конкретных случаев использования языка. В отличие от анализа, проведенного в «Логико-философском трактате», «новый метод не связан с использованием логических средств; не предполагает, что процедура анализа однозначна и конечна; не допускает абсолютно простых единиц смысла»¹⁸. Объектом анализа явля-

¹⁸ Сокулер З.А. Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX века. С. 101.

ется естественный язык, который следует очистить от всяческих злоупотреблений и искажений философов. Ниже предлагается некоторое истолкование подхода Витгенштейна, представленного как определенная «теория».

У позднего Витгенштейна язык перестает быть пассивным регистратором «содержимого» и «строения» реальности, а включается в непосредственное практическое взаимодействие с ней, тесно переплетаясь с другими видами деятельности. Главной функцией языка является коммуникативная, а все другие, включая репрезентативную, подчинены ей. Язык по своей природе социален, и значение языковых выражений определяется их употреблением, их ролью в сложном сплетении человеческих действий. Рассеять туман, которым философы окружают понятие «значение», по мнению Витгенштейна, можно, только осознав, что язык функционирует как совокупность «языковых игр». Витгенштейн уподобляет язык ящику с инструментами: сколь различны функции инструментов, столь же по-разному функционируют слова и столь же по-разному они соотносятся с тем, что они обозначают. «... (Б)есконечно разнообразны виды употребления всего того, что мы называем “знаками”, “словами”, “предложениями”. И эта множественность не представляет собой чего-то устойчивого, раз и навсегда данного, наоборот, возникают новые типы языка, или, можно сказать, новые языковые игры, а другие устаревают и забываются»¹⁹. Отношение между словом и обозначаемым не является единообразным и не представляет собой объективную связь, которая не зависит от употребляющих язык людей. Определенным образом скоординированные способы употребления языковых выражений составляют «глубинную грамматику» языка, под которой Витгенштейн понимает уже не априорную и неизменную логическую структуру, а постоянно меняющуюся в ходе практической деятельности «концептуальную схему». В основе этой концептуальной схемы лежат определенные лингвистические соглашения, определяющие в каждом конкретном случае употребления, что следует считать «реальным». Значение слова можно усвоить лишь в контексте некоторой деятельности, когда происходит манипулирование со словом по строго определенным правилам, да и знание значения слова является практическим умением, продемонстрировать которое можно в соответствующем поведении. Вместе с тем слова только потому имеют значение, что существуют публичные критерии их правильного применения, поэтому личный язык (*private language*) невозможен.

Таким образом, отношение между языком и реальностью оказывается очень сложным и опосредованным системой разнообразных практических видов деятельности, с которыми язык образует нерас-

¹⁹ *Витгенштейн Л.* Философские исследования. Ч. 1, раздел 116 // *Витгенштейн Л.* Философские работы. С. 90.

торжимое целое. Это не означает, что реальность совершенно скрыта от нас социальными формами жизнедеятельности человека. Ее познанием занимается наука, создающая для этого особые виды языковых игр. Однако философия, имея в своем распоряжении лишь средства концептуального анализа языка, не имеет прямого доступа к реальности. Именно иллюзия возможности такого доступа и породила все известные философские и метафизические проблемы. Метафизика — это следствие злоупотребления языком, поэтому задача состоит в том, чтобы вернуть «слова от метафизического к их повседневному употреблению»²⁰. Метафизические проблемы возникли из-за того, что уделялось недостаточно внимания функционированию языка, и их можно разрешить, только тщательно проследив, каким лингвистическим путем мы к ним пришли. Эти проблемы не являются эмпирическими, «они решаются путем такого всматривания в работу нашего языка, которое позволяет осознать его действия вопреки склонности истолковывать их превратно. Проблемы решаются не через приобретение нового опыта, а путем упорядочения уже давно известного. Философия есть борьба против зачаровывания нашего интеллекта средствами нашего языка»²¹. Анализ языка позволит нам осознать, что нам не удастся сказать то, что может быть сказано, если мы попытаемся навязать понятным выражениям «метафизическое» употребление. Поздний Витгенштейн был настолько же критичен по отношению к возможностям философии, насколько он был критичен к ней в «Трактате», но теперь акцент в его работах был смещен на изучение путей, которыми язык ведет к заблуждениям.

Интересно отметить, что нежелание позднего Витгенштейна рассматривать какие-либо «онтологические» аспекты языка принимает у некоторых его последователей довольно «агрессивные» формы. Из предложенного им уподобления философского исследования терапевтической деятельности выросла психоаналитическая концепция лингвистической терапии. Как замечает один из разработчиков этой концепции М.Лазеровиц, за словесными спорами философов относительно существования и природы вещей скрывается навязчивая онтологическая иллюзия, отражающая необоснованную веру в фантастическое могущество понятийного аппарата, благодаря которому философ мнит себя «космологическим картографом». Но ничего, кроме бессознательной онтологизации отдельных языковых форм, за этим не стоит: это «семантическое мошенничество, которым обманывается сам мошенник»²².

²⁰ Там же. С. 128.

²¹ Там же. С. 127.

²² *Lazerowitz M. The Language of Philosophy: Freud and Wittgenstein.* Boston, 1977. P. 125 (цит. по: Грязнов А.Ф. Язык и деятельность. Критический анализ витгенштейнианства. М., 1991).

Рассмотренные подходы, на мой взгляд, довольно полно описывают проблемное поле, в рамках которого современные аналитические философы размышляют над отношением между языком и реальностью. Если язык — ключ к познанию реальности, то как можно объяснить совпадение структуры языка и структуры реальности? Объясняется ли это тем, что предложения о реальности, признаваемые нами истинными, не могли бы быть истинными, если бы не было ничего такого, о чем они говорят и на что ссылаются входящие в них слова? Или объяснением служит то, что в формировании самой «реальности» (онтологии) участвует концептуальная схема, лежащая в основе языка? Или же все дело в том, что язык и мир погружены в единое «логическое пространство»? Как можно охарактеризовать отношение между элементами языка и элементами реальности? Является ли оно простым, единообразным и устанавливаемым напрямую или сложным и опосредованным? Является ли репрезентативная функция главной функцией языка? Какое значение для понимания соотношения языка и реальности имеет то обстоятельство, что язык включен в практическое взаимодействие человека с миром? Эти и многие другие вопросы, поставленные изложенными выше подходами, во многом определяют контекст обсуждения темы языка и реальности в аналитической философии второй половины XX в. В подтверждение этого я хотела бы сослаться на взгляды У.О.В.Куайна²³, который в своей концепции онтологической относительности, на мой взгляд, попытался синтетически соединить и развить некоторые из рассмотренных нами идей.

В определенной мере Куайн вернулся к расселовскому пониманию задач и природы философии. Но если Рассел говорит о научности философского анализа, то Куайн идет дальше и объявляет философию эмпирической наукой. От других наук она отличается только своей большей общностью; она интересуется, к примеру, не тем, существуют ли вомбаты и единороги, а тем, существуют ли классы и свойства. И хотя философ в своем исследовании опирается на анализ языка, совершая «семантическое восхождение», отсюда не следует, что философия «говорит о языке»; она, как и другие науки, является «содержательной» и направлена на изучение реальности²⁴. Вместе с тем Куайн вносит в «расселовский метафизический проект» важное новшество: в его представлении «философ, подобно другим ученым, столь же творец, сколь и первооткрыватель»²⁵. Стремясь постичь мир, ученые строят теории, выдвигают гипотезы, принимают постулаты, т.е. осуществляют, с точ-

²³ Под тем же углом зрения можно было бы рассмотреть взгляды таких философов, как Д.Дэвидсон, М.Даммит, Х.Патнэм и др., для которых вопрос соотношения языка и реальности занимает ключевое место в их концепциях.

²⁴ Во многом этот взгляд Куайна на природу философии является следствием его критики двух «догм эмпиризма».

²⁵ *Страйд Б.* Аналитическая философия и метафизика. С. 521.

ки зрения Куайна, концептуализацию опыта. Поэтому вслед за Карнапом Куайн подчеркивает, что принятие той или иной теории или языка связано с принятием определенной онтологии, но он не ограничивается простой констатацией этого и формулирует строгий «критерий существования». Исходя из того, что наука признает реальными только те сущности, которые фигурируют в ее объяснениях и поэтому не могут быть устранены из корпуса научного знания, Куайн выдвигает критерий «онтологических обязательств»: мы обязаны принимать существование только тех сущностей, постулируемых теорией, которые при переформулировке предложений теории с помощью аппарата современной математической логики составляют область значений связанных переменных в истинных квантифицированных предложениях. Таким образом, философ своим анализом языка не открывает предельные элементы языка и реальности, а строит онтологические гипотезы, которые затем сопоставляются и оцениваются согласно принципам экономичности, простоты и лучшей согласованности с имеющимся корпусом научных знаний.

С другой стороны, Куайн рассматривает язык как форму человеческого поведения, отражая в какой-то степени в своей концепции и «деятельностный» аспект языка, которому уделял особое внимание поздний Витгенштейн. Для Куайна значение языковых выражений напрямую связано с поведенческими реакциями людей на «стимулы», возникающие как результат воздействия окружающего мира на «наши нервные окончания». Поэтому изучение стимулов является единственным источником фактов относительно значения слов. Поскольку отношение между словом и тем, что оно обозначает, оказывается опосредованным человеческим поведением, оно не устанавливается «само собой», а формируется в ходе сложного процесса усвоения индивидом языка и лежащей в его основе концептуальной схемы, который Куайн описывает в своей книге «Слово и объект» (1960) как «онтогенез референции». Референция слов зависит от особенностей концептуальной схемы, а поскольку существует множество языков и каждый имеет свою особую концептуальную схему, то отсюда Куайн делает вывод о том, что в условиях «радикально» различающихся языков перевод с одного языка на другой всегда является неопределенным. Это означает, что возможны альтернативные схемы перевода, не совместимые друг с другом, но в равной мере совместимые с вербальным поведением носителей языка, с которого осуществляется перевод. Как правило, при переводе мы навязываем тому, что объективно неопределенно, свою концептуальную схему, протекающую из нашей склонности воспринимать мир состоящим из целостных и устойчивых образований — объектов: «Мы упорно стремимся раздробить реальность на множество поддающихся отождествлению и различению объектов, на которые можно указывать посредством сингулярных и общих терминов. Мы настолько привыкли говорить об объектах, что кажется, будто, говоря о них, мы ничего не сообщаем, поскольку

ку как же еще можно говорить? Трудно судить, как еще можно говорить, не потому, что наша объектофицирующая модель является неизменной чертой человеческой природы, но потому, что мы вынуждены приспособлять любую чужую модель к нашей собственной, когда мы пытаемся понять или перевести предложения чужого языка»²⁶. Реальность не детерминирует выбора той или иной концептуальной схемы: «нет фактов, на основании которых можно утверждать, что тот, кто высказывает предложение, подразумевает скорее одно, чем другое»²⁷. Поэтому неопределенность перевода одновременно означает онтологическую относительность: разные концептуализации по-разному членят физическую реальность на сущности и, стало быть, создают разные миры. В этом нельзя не усмотреть влияния гипотезы Сепира и Уорфа.

²⁶ *Quine W.V.O. Ontological Relativity and Other Essays. N.Y., 1969. P. 1.*

²⁷ *Quine W.V.O. Word and Object. Camb. (Mass.), 1960. P. 45.*